

**Гринько Андрей Александрович**

кандидат исторических наук,  
доцент кафедры истории и культурологии  
Дальневосточного государственного  
аграрного университета

**К ВОПРОСУ О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ  
СЕЛЬЧАН-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ  
В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО»  
СОЦИАЛИЗМА**

**Аннотация:**

*В статье рассматриваются некоторые особенности заработной платы сельских жителей Дальневосточного региона в 1970-х – первой половине 1980-х гг. Анализируется структура зарплаты, ее значимость в бюджете советской семьи, а также противоречивые тенденции в динамике оплаты труда, вызывающие нестабильность жизни на селе.*

**Ключевые слова:**

*Дальний Восток, заработная плата, сельское население, «поздний» социализм, сельское хозяйство.*

**Grinko Andrey Aleksandrovich**

PhD in History,  
Assistant Professor,  
History and Cultural Science Subdepartment,  
Far Eastern State Agrarian University

**CONCERNING THE WAGES OF  
RURAL RESIDENTS OF  
THE FAR EAST IN THE PERIOD OF  
«LATE» SOCIALISM**

**Summary:**

*The article discusses some features of wages of rural residents of the Far East region in the 1970s and the first half of the 1980-s. The author analyzes the structure of the wage, its importance in the budget of the Soviet family, and contradictory trends in the dynamics of wages, causing the instability of life in the rural areas.*

**Keywords:**

*Far East, wage, rural population, «late» socialism, agriculture.*

Период «позднего» социализма, пришедшийся на 1970-е – первую половину 1980-х гг., был противоречивым временем для сельчан-дальневосточников. Усиление внимания государства к социальной сфере страны и курс на развитие Дальневосточного региона способствовали серьезным позитивным изменениям в жизни деревенских тружеников: расширялось жилищное строительство, развивалась торговля, укреплялась бытовая сфера. Параллельно с этим имели место и отрицательные явления: дефицит товаров и услуг, слабость социальной инфраструктуры села, «бесперспективность» деревни и многое другое.

Противоречивость эпохи отразилась и на главном источнике доходов сельчан – заработной плате. Поскольку основная масса жителей села была занята в аграрной сфере, то зарплата в основном поступала за труд в колхозе или совхозе и частично от работы в иных организациях не-сельскохозяйственной направленности. На данном этапе заработок в общественном производстве стал иметь еще большее значение в структуре доходов сельской семьи из-за повсеместного распространения к 1970 г. гарантированной оплаты труда в колхозах, а также в силу ее постоянного роста. К середине 1980-х гг. доля заработной платы в доходах колхозной семьи на юге региона достигла 68 %, что было значительно выше среднереспубликанского уровня [1; 2, с. 290–291]. В частности, в Амурской области за 1970–1985 гг. доход от колхоза увеличился с 2141,4 руб. до 3472,4 руб. на семью в год, или на 62 % [3]. Удельный вес совокупного денежного заработка членов колхозной семьи по своей величине приближался к удельному весу зарплаты, поступающей в совхозную семью. Последние достигли 78 % дохода домохозяйства [4; 5, с. 69].

Развитие заработной платы в колхозах и совхозах являлось результатом реализации государственной политики, направленной на сближение форм собственности в сельском хозяйстве и повышение доходов его тружеников. Оплата труда в дальневосточном сельском хозяйстве ежегодно увеличивалась, поднявшись с 155,5 руб. в 1970 г. до 285,1 руб. в 1985 г. в расчете на одного работника. Ее размеры были в 1,5 раза выше, чем в среднем по аграрной отрасли РСФСР, однако в начале 1980-х гг. разрыв между уровнем зарплаты в сельском хозяйстве республики и Дальнего Востока сокращается. Это означало, что преимущество в уровне зарплаты дальневосточных аграриев относительно заработков в сельскохозяйственной отрасли РСФСР постепенно терялось.

Сравнительно большая оплата труда в дальневосточных хозяйствах объяснялась осознанием со стороны государства необходимости развития отдаленной окраины страны. Нелегкие условия труда и жизни, высокая стоимость товаров заставляли власти предпринимать шаги по закреплению здесь населения. Эти шаги проявлялись в значительной государственной поддержке, масштабных капиталовложениях, а также в попытках закрепить население и приостановить текучесть кадров на селе с помощью повышенного заработка. Наиболее высокие заработки в сельско-

хозяйственной отрасли сложились в Хабаровском крае, где к середине 1980-х гг. они даже превзошли средний уровень в регионе. Самая низкая оплата труда, вплоть до начала 1980-х гг., имела место в Приморском крае, а в последующем – в Амурской области.

К середине 1980-х гг. в сельской местности Дальнего Востока наименьшие заработки на селе продолжали сохраняться у колхозников; рабочие занимали среднее положение; наибольшую оплату получали служащие.

Несмотря на рост, уровень зарплаты в аграрном секторе существенно отставал от заработков в других отраслях дальневосточной экономики. В условиях сохранения большего размера сельской семьи по сравнению с семьей рабочего или служащего при равном количестве трудоспособных членов это означало, что сельчане получали низкие душевые доходы: к середине 1980-х гг. в среднем за год они были меньше на 450–650 руб., или на треть [6].

Повсеместное внедрение денежного вознаграждения за труд вело к снижению роли натуральных поступлений до минимального уровня, которые не превышали 2–3 % заработка [7]. Только по своему желанию сельчане могли получать часть заработка овощами, фруктами или сеном.

Теоретически между хозяйствами существовала разница в величине зарплаты, которая определялась рентабельностью совхозов и колхозов. Более высокую оплату труда могли обеспечивать, как правило, хозяйства пригородных районов, успешной деятельности которых благоприятствовала связь с городом и более развитая инфраструктура. Фактически в убыточных колхозах и совхозах оплата труда была такой же, как и в высокопроизводительных. Это объяснялось тем, что система оплаты труда, несмотря на попытки ее изменения, по-прежнему основывалась на принципах уравнительности и гарантированности средних заработков. Прямой связи между количеством, качеством труда и размерами дохода не было. Негативным явлением был и опережающий рост уровня зарплаты по сравнению с ростом производительности труда и даже на фоне падения последней.

«Уравниловка» в оплате труда не влияла на дифференциацию зарплаты по формальным признакам профессиональной принадлежности. Напротив, сохранялось четкое разделение между группами работников по уровню зарплаты. К высокооплачиваемым категориям относились механизаторы. Их месячный заработок, от 160 руб. в начале 1970-х гг. до 290 руб. в середине 1980-х гг., был немногим меньше, чем у главных специалистов хозяйств [8]. «Привилегированность» их была вызвана важнейшей ролью в аграрном производстве. Все они были заняты на работах с большой степенью механизации и имели высокий уровень квалификации. У других категорий тружеников, как правило сохранявших в неизменном виде сущность своего труда (агрономов, электромонтеров), средний уровень заработка колебался в пределах 130–200 руб. К «непривилегированным» категориям относились работники, связанные с конно-ручным трудом, зарабатывавшие от 75 до 130 руб. [9]. Их труд не требовал квалификации, для его выполнения было достаточно элементарных навыков, поэтому и оплачивался он невысоко.

В результате уровень заработков сельскохозяйственных тружеников в зависимости от профессии варьировался в широких пределах. Существовали заметные отличия в уровне зарплаты работников сходных профессий в колхозах и совхозах. Как правило, аналогичный труд в совхозах оплачивался лучше. Заработки женщин были значительно ниже, чем у мужчин, что главным образом объяснялось тем, что большинство женщин было занято немеханизованным ручным и неквалифицированным трудом.

Основная зарплата сельскохозяйственных тружеников юга Дальнего Востока дополнялась материальным поощрением, которое играло стимулирующую роль и зависело от объема и качества выполняемой работы. Конкретные виды и формы дополнительного поощрения были различными. Наиболее распространенными были доплаты по расчету за продукцию, за стаж и классность трактористам-машинистам, премии за перевыполнение плана. Большая часть премиальных средств распределялась среди работников растениеводства, в первую очередь, механизаторов.

Для стимулирования развития аграрной отрасли были учреждены звания «Мастер животноводства», «Мастер растениеводства» и «Мастер орошения», дающие прибавку к окладу. Однако в регионе насчитывалось немного их обладателей. Система начисления различных доплат, надбавок и премий была запутанной и бюрократизированной. Большая часть дополнительной оплаты была ориентирована на работников с длительным стажем и опытом работы, что означало ее отсутствие для молодежи.

Ситуация осложнялась тем, что систематически имели место нарушения правил поощрения. Лишение премий и доплат нередко использовали руководители как способ давления на работников [10]. Эффективность системы материального поощрения снижалась из-за того, что она не была связана с экономическими результатами деятельности хозяйств. Премии выплачивались и росли даже тогда, когда объемы производимой продукции сокращались, а ее себестои-

мость увеличивалась. Дополнительная оплата стала рассматриваться не как материальное поощрение, а как часть основной оплаты. Она не столько стимулировала трудовую активность, сколько порождала из-за своей сложности недовольство и жалобы.

Таким образом, в 1970-х – первой половине 1980-х гг. зарплата дальневосточных сельчан последовательно увеличивалась. Основную роль играла гарантированная оплата труда, получаемая от работы в колхозе или совхозе, превосходившая средние показатели по республике. Положительные изменения в доходной части бюджета сельской семьи ограничивались существованием многочисленных проблем. Наиболее важной была серьезная диспропорция в доходах населения, занятого в сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Зарплата аграрных тружеников была слабо связана с производительностью труда и рентабельностью хозяйств. Уравнивательные тенденции приводили к тому, что материальное стимулирование не оправдывало себя, не способствовало росту производительности труда. Кроме того, преимущества в заработках дальневосточных сельчан по сравнению с остальной страной постепенно снижались. Состояние доходов во многом определяло стабильность и закрепляемость сельского населения, являлось одним из важнейших факторов уровня жизни и развития сельскохозяйственной отрасли в регионе.

#### **Ссылки:**

1. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 4701. Л. 14.
2. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1988. 434 с.
3. Бюджеты семей колхозников Амурской области за 1985 г. Благовещенск, 1985. 36 с.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1939. Л. 18.
5. Территориальные особенности формирования уровня жизни населения / отв. ред. А.С. Ревайкин. Владивосток, 1988. 124 с.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2631. Л. 6.
7. ГАО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 169. Л. 1, 3.
8. ГАПК. Ф. 131. Оп. 6. Д. 664. Л. 15.
9. ГАХК. Ф. 719. Оп. 22. Д. 360. Л. 9, 20.
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 272. Л. 22.

#### **References:**

1. SARF. f. 374, op. 39, d. 4701, l. 14.
2. *National Economy of the Russian Federation for 70 years* 1988, Moscow, p. 434.
3. *Budgets family farmers Amur region for 1985 Blagoveshchensk* 1985, p. 36.
4. RSAE. f. 1562, op. 47, d. 1939, l. 18.
5. Revaykin, AS (ed.) 1988, *Territorial peculiarities of living standards*, Vladivostok, p. 124.
6. RSAE. f. 1562, op. 63, d. 2631, l. 6.
7. State Archive of Archangelsk. f. 480, op. 12, d. 169, l. 1, 3.
8. GAPK. f. 131, op. 6, d. 664, l. 15.
9. SJSHC. f. 719, op. 22, d. 360, l. 9, 20.
10. RGANI. f. 5, op. 63, d. 272, l. 22.